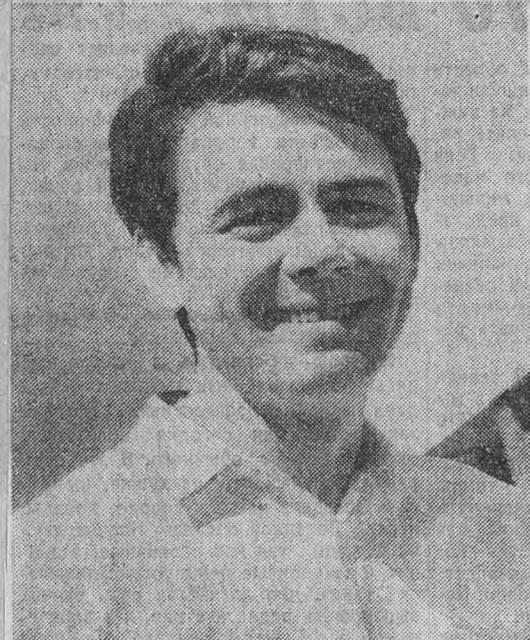

ВСТРЕЧИ
ПО ВАШЕЙ
ПРОСЬБЕ

ПЕВЕЦ

ВОТ ОН ушел, перешагнул порог, чуть пригнувшись, чтобы не задеть притолоку, а его песни, его голос, мысли остались. Они звучали долго, живые и почти осязаемые, и лишь постепенно исчезали, но всякий раз оживали вновь, когда я подходил к столу и читал в своем блокноте: Юрий Гуляев. Долго пытался я понять, что это: гипноз имени, предвещающий и заранее формирующий восприятие, или в самом деле встреча с явлением, с личностью? Оставим читателям судить об этом самим к концу нашего рассказа.

Отношение к Гуляеву в искусстве однозначно: его любят все. Удивительно красивой тембровой окраской баритон, он от природы наделен способностью к тончайшим модуляциям, гибкостью, которая незвольно заставляет думать, что, помимо существующих тонов и полутонов, певцу ведомы еще сотни иных, едва уловимых оттенков звука. И эта особенность сообщает его исполнению, с одной стороны, плотность и упругость, с другой — бесконечную широту.

Я сказал о его голосе — «от природы наделен...». Так, может, вообще все — «от природы»? Но об этом ниже. Пока — просто о жизни.

Родился Гуляев не в музыкальной семье. Песни там, правда, любили, но больше в компании, за столом, по-домашнему. Юра аккомпанировал на гармошке.

Петь начал с восьмого класса. Точнее, не петь, а думать об этом и... пытаться. Впервые заставил задуматься Генка Кошалов, одноклассник, солист, личность среди тюменских школьников известная и уважаемая. «Отчего бы тебе, — сказал тогда Генка, — отчего бы тебе тоже не петь?» Если бы не прекрасная смелость юности, кто знает, может, Юрий Гуляев так бы никогда и не «состоялся». А был бы Юрий Александрович, врач, человек тоже очень нужным людям, тоже уважаемый, тоже любимый. И может, сегодня я бы точно так же рассказы-

вал вам о прекрасном хирурге, или терапевте, или враче санавиации Юрии Александровиче Гуляеве. Если бы не прекрасная смелость юности...

Но юность была. И смелость тоже была. Правда, последняя не столь велика, чтобы сразу повести за собой Юру на сцену. Поначалу ее хватало лишь на то, чтобы петь дома, когда никого нет. Потом смелость спросила его: «Не хочешь ли ты, чтобы тебя услышали люди?» — «Хочу», — сказал он. И по-прежнему пел дома. Когда никого нет. Осмелел и... вытаскивал вату, которой были за-

ткнуты щели окон: может, его голос будет слышен на улице, а мать, возвращаясь с работы, ежилась от холода, не понимая, отчего так студено в комнате.

Классная руководительница Зинаида Александровна подарила ему сборник романсов Рахманинова. Перед этим Юра спел на школьном вечере, тенором, «Скажите, девушки, подружки вашей...». К слову, он и позже, уже профессионалом, будет долго петь теноровые партии.

— Как же она тогда заблуждалась, милая Зинаида Александровна! Считала меня певцом! — вспоминает Гуляев. — А все-таки было приятно...

Мы узнаем Гуляева как певца много позже. Когда он пройдет долгий путь сомнений и разочарований. Разувверит в своей способности петь. Поступит в медицинский институт. А потом все же бросит его и подаст документы в Свердловскую консерваторию. И... не пройдет по конкурсу, но будет зачислен, поначалу и весьма ненадежно, на вечернее отделение, и все годы обучения будет переживать и волноваться, что отчислят.

Когда напишет свое первое заявление о приеме на работу в Донецкий оперный театр, рука с трудом выведет непривычное и пугающее слово «солист».

Давайте вспомним, как часто мы, встретившись с кем-либо из «знаменитых» — писателем ли, актером, спортсменом, — потом вздыхаем: «А в общем он самый обыкновенный...». И не задумываемся, что «в общем» он и должен быть обыкновенным. Во всем, кроме одного. Того самого, что отличает его. Но ждем, ищем порой против воли эту «общую необыкновенность». Справедливо ли? Ведь если человек от природы не умеет, предположим, рисовать, мы и не вправе требовать этого от него. Но если он наделен даром певца, значит ли это, что тогда он должен быть непременно еще живописцем или поэтом?

Встреча с Гуляевым еще раз утвердила меня: истинный талант — это как

выстрел, которому ты подчиняешь все — и мозг, и глаз, и руку, и нервы. А все в отдельности — глаза, руки, нервы — все обыкновенное.

Вот он сидит в комнате, рядом пианино, и он уже не может оставаться спокойным, он подсаживается к инструменту, поднимает крышку. Его никто не просит играть или петь, он сам по себе не может остаться спокойным. Он говорит, а пальцы непроизвольно движутся по клавишам, вдруг извлекают какую-то ноту, или возьмут аккорд, или промелькнет, словно далекая зарница, мелодия. Кажется, звуки для него — камертон, по которому он сверяет сказанное, настраивает собственное звучание. Он говорит, перемежая речь свою песней, отрывком из арии. Видишь: у него это — средство общения, способ выражения мыслей, как у нас с вами слова, жесты, мимика...

Гуляев написал около тридцати песен (о себе он говорит: я кое-что пишу). Во всех — все тот же, гуляевский, почерк. То порывистый, эмоциональный, экспрессивный, то вдруг неожиданно лиричный, даже интимный, все их роднит та самая «пригнанность», плотность, кантиленность, что свойственны и его исполнительской манере.

Есть виды искусства, где мы знакомимся сразу с итогом творчества. В кино, на выставке картин или скульптур. Так бывает и в исполнительском мастерстве, когда процесс «творения» остается в репетиционном зале, в лаборатории художника. Есть артисты, и весьма значительные, что как бы «тиражируют» сами себя: раз создав произведение, доведя его до возможного совершенства, они впоследствии снимают лишь точные слепки. Правильно? Пожалуй. Но высшее достижение художника — в драматическом или музыкальном театре, все равно — это способность творить во время выступления. Читая «Евгения Онегина», Юрский, например, по его же словам, каждый раз как бы сочиняет пушкинские строки. Вот так каждый раз «сочиняет» и Гуляев. Своего Онегина, своего Алеко, своего Гагарина... Оттого в разговоре о своей работе у него часто слово «импровизация».

Наша страна — страна песен. Поют много. Поют многие. Но поет Гуляев — и его узнают с первого слова, с первой ноты. Маленькие дети и пожилые люди. Русские и нерусские. Официально он — солист Киевского театра оперы и балета. Фактически — только ли он одного?

ПУТЬ сравнений — опасный путь. Я и не хочу ни с кем сравнивать Гуляева, да это и не нужно. Поначалу, много лет назад, слушая его в песенном репертуаре и только по телевидению, я думал, что он из тех «микрофонных» певцов, кто лепит свое произведение всеми способами — жестом, мимикой, танцем, криком и... немного голосом. Ариозо Роберта из «Иоланты» — вещь очень голосовая стала для

меня вторым открытием Гуляева. Я поразился силе его голоса и той легкости, с какой он «играл» этой силой. Я невольно думал тогда: для чего он сдерживает такую мощь, такую красоту? Потом понял: не фортиссимо, не дрожание стекол, не верхние «ля» и «до» главное для этого артиста. Главное для него — искусство. А искусство — это меньше всего слепая сила. И затем, все последующие годы, я убеждался в том многократно.

Помните один из его последних песенных циклов — «Созвездие Гагарина» Александры Пахмутовой? Помните, «Каким он парнем был»? Грохот ракеты... «Поехали...» — гуляевская, нет, уже гагаринская улыбка... Его Онегин. Наверное, спорят: «такой» или «не такой»? Едва ли доберется до истины. Ясно, что не такой, как Онегин Лисициана или Норцова. Но — свой, гуляевский.

Эта неповторимая манера общения с каждым в отдельности, идет ли она только от свойства его таланта, или от особенности голоса, или результат большой актерской работы, или от природного артистизма, от порою интуитивного чувства — это нужно петь только так, или от врожденной музыкальности, — в конечном счете, так ли важно? Важно, что есть Гуляев. Что он поет. Что будет петь.

Подобно тому, как хочется его слушать, хочется о нем писать и говорить. Хочется донести до всех самую малую малость: штрих поведения, манеру разговора, особенность улыбки... Широкий по натуре, он ровень и своей внешности — большой, размашистый, беспокойный. И тут же удивительно мягкий, лиричный...

О себе — очень скромно, терзается (именно так!) славой и чувствует себя вечным ее должником. Считает, что до сих пор не отработал и сотой доли доставшегося ему. Не может отказаться от концерта, от поездки, потому что считает: не имеет права. И видит свое назначение не только в собственном служении искусству, но и в поиске новых талантов. Он вечно кого-то «открывает», «вытаскивает», учит, включает в свои программы, представляет в передачах... Это тоже часть его жизни. Обычно говорят: работоспособность. О Гуляеве я сказал бы: работопотребность. Вот он играет свои песни. Потом вдруг прерывается, пробует одну и ту же фразу несколько раз, прислушивается, играет заново и по-другому. Он уже работает, забыв, что не один, что на него смотрят, его слушают. И вещь, казалось бы, готовая вполне, распадается под его пальцами на звуки, а потом возникает вновь, но уже иная. Гуляев работает. Он работает всегда. Всюду. Именно этим «состоится» Гуляев. И «от природы» голос его — это тоже работа: беспощадная и непрерывная, работа, которая и помогла открыть все то, что

было заложено «от природы». Он как бы сфокусирован в каждой частице самого себя — от улыбки и жеста до песни.

— А что больше любите петь?

Ответ обезоруживающе прост:

— То, что у меня лучше получается.

— А что лучше получается?

— Когда как... Каждое выступление — это поединок со зрителем, в котором не может быть ничьей, как теперь и в футболе. Больше того, поражение — обоюдно. Победа — тоже.

— И все-таки — песня или классика?

— Не надо так категорично: или — или. В песне ты шире, раскованнее, песня дает больше возможностей для импровизации. В песне очень многое зависит от слова. Ее можно спеть и «без голоса». Но не представляю безголосого Онегина. В классическом вокале — я имею в виду оперу — все жестче, заданнее. Есть, так сказать, «опыт поколений» — эталоны, созданные до тебя. Есть четкая музыкальная фраза — ты должен уложиться. И еще много другого. Но в этом тоже своя прелесть — суметь остаться собой.

— Так что предпочтение...

— Предпочтение — камерному пению. В нем, на мой взгляд, сочетается все.

— Предположим, сегодня у вас концерт. Вы знаете, как будете петь?

— Знаю одно: отдам все, что могу. А примут ли?.. Здесь удивительно противоречивое сочетание. С одной стороны, я не знаю, как спую сегодня «Средь шумного бала...». С другой, исполнение — это своеобразный исход всего предыдущего состояния артиста, как бы разрешающий аккорд. Алекс убивает Земфиру. К этому его привело определенное состояние, целый мир мыслей и чувств. Сегодня Алеко — я. Но, помимо всего, я еще и Юрий Гуляев, им я остаюсь всегда. И к миру Алеко невольно приобщен и мой собственный мир, моих мыслей и моих чувств. Как же я могу точно знать, что принесет сегодня этот союз? И еще есть зрители. Также со своим миром каждый...

— Вы не можете быть заранее уверены в успехе?

— И не приведи бог обрести такую уверенность. Нет ничего страшнее со знания собственной непогрешимости. Кстати, это относится не только к актерам.

— И даже высокие титулы и звания не укрепляют эту уверенность?

— В них-то и скрыта наибольшая опасность. Как легко найти успокоение: я — народный артист, лауреат, солист... Актера видишь и слышишь. Если я сегодня плохо пою, вам все равно, народный я или нет. Артист перед вами всякий раз рождается заново. И всякий раз сдает вам экзамен.

И он запел. Он пел свои собственные песни и песни своих друзей-композиторов, романсы, арии из опер. И мир, созданный им, и мир в нем самом — да все рождалось заново. И мне было жаль, что уже завтра, уже через мгновение все этого не будет. А потом я подумал, что будет другое. Будет новый день, и будут новые песни.

Павел ДЕМИДОВ.